

А.Н. Ежов. Кавказские солдаты в походной форме. 1. Солдат пехотного полка в мундире образца 1848 г. 2. Гренадер Ширванского полка в мундире образца 1826 г. и “кавказской” шапке образца 1829 г. 3. Юнкер Нижегородского драгунского полка, лето 1850 г. 4. Солдат Ширванского полка в походной зимней форме, аул Куссары в Дагестане, 1849 г. (по рисунку В. Тимма). 5. Солдат в летней походной форме. (Иллюстрация выполнена с эскиза Ю. Брановского).

ОТ ИДЕИ К РЕАЛЬНОСТИ. (К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО МУНДИРА В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ)

М.В. Нечитайлов, В.В. Стецов

«Если бы люди могли гнить и уничтожаться от дождей так, как их платье, то Отдельный Кавказский корпус никогда бы не существовал».

Слова старого кавказского солдата.

В российской исторической литературе практически не встречаются работы, посвященные исследованию проблем эволюции в жизни образцов военной одежды и снаряжения, утверждаемых государственными инстанциями. Подавляющее большинство произведений по униформе русской армии основывается при описании мундира на том «как должно быть» и почти никто не останавливается на том «как было на самом деле». А ведь между принятыми указами и приказами о введении той или иной формы и реальностью армейского быта лежали время, расстояния, финансы, климат, военные действия, наконец, люди. Эти составляющие надо увеличить на особенности места, о котором идет речь, и мы получим то, что было в реальной жизни. И никакая жесткая регламентация этих явлений властью не могла повлиять на результаты эволюции русского мундира от идеи создания до реальности его использования.

А когда говорят о Кавказе, то можно уверенно сказать, что никто и никогда не исследовал вопрос о том, как новшества в униформе и снаряжении выполнялись в этой далекой провинции, где вдобавок шли еще и активные боевые действия. Между тем, долгая и кровопролитная Кавказская война оставила весьма заметный след в отечественной истории и военном деле, общественной жизни и литературе.

Официальные документы и воспоминания, сухие репортажи и художественные произведения, картины и полковые архивы состави-

ли о Кавказской войне впечатляющую эпопею, отраженную в различных письменных, художественных и материальных объектах. В их числе справедливо назвать и униформологические источники, о которых, к сожалению, мало кто упоминает в своих исследованиях.

Хронологические рамки статьи охватывают период со времени создания Отдельного Кавказского корпуса до окончания Кавказской войны, то есть, примерно с 1820 по 1864 годы. Анализ источников позволяет говорить, что их количество увеличивается пропорционально активизации боевых действий в ходе войны: в 1830-е годы, начало 1840-х, время завершения войны на Восточном и Западном Кавказе. Однако немало зарисовок военного костюма находим и в периоды спада военных событий. Авторы обращают внимание читателей на то, что в статье идет речь только о регулярных частях русской армии на Кавказе.

Определяющим фактором на сущность и качество военного костюма и снаряжения русских войск на Кавказе были особенности данного региона. Сильно пересеченная местность, изобилующая многочисленными бурными речками, трудно доступными горными вершинами, непроходимыми чащами лесов, трудностями содержания в них войск, плохие дороги (за немногими исключениями доступные только для одной пехоты), ибо проезжие дороги проходят по долинам. Местный климат, отличающийся большими амплитудами суточных и сезонных темпера-

тур – от удушающей дневной жары до морозной ночи, легкий ветерок, превращающийся за короткое время в шквалистый ураган с мокрым снегом.

В таких условиях требовала особой универсальности **Униформа кавказского солдата**.

Авторы считают излишним описывать униформу и снаряжение русских войск конца царствования императора Александра I, правления его преемника Николая I и начала правления Александра II, поскольку она хорошо известна по классическим работам А.В. Висковатова, В.В. Звегинцева, нашего современника И.Э. Ульянова. Если читатель зримо представляет солдат и офицеров описываемого периода, то поймет, насколько предписанная регламентом одежда и амуниция русских войск, служивших на Кавказе, были не приспособлены к ведению военных действий в горах.

Поэтому становится понятно, почему именно в ОКК в первую очередь начались медленные перемены формы одежды и экипировки солдат с учетом местных условий. При создании военной одежды, предметов снаряжения стали больше руководствоваться условиями полевой обстановки. Причем, все перемены в обмундировании и снаряжении делались последовательно, по мере выслуги сроков носки, «хозяйственным способом, не требуя от комиссариата ни денег, ни вещей».

Относительно применения уставной формы одежды в кавказских войсках можно ска-

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА.

Южные границы Российской империи постоянно требовали пристального внимания. Беспокойный сосед - Турция - не оставляла надежды захватить Кавказ, Крым, северное побережье Черного моря. Подстрекаемые турецкими агентами, кавказские горцы с переменным успехом проводили набеги на укрепления и поселения в Грузии и на Северном Кавказе. С окончательным присоединением в 1800 г. к России Грузии, эти набеги превратились в правильную и упорную войну, которая десятилетиями велась на южном и северном склонах Кавказского хребта.

С конца XVIII в. происходит постепенная концентрация русских войск на Кавказе. Созданный в 1816 г. Отдельный Грузинский Корпус состоял из 15 пехотных полков. В августе 1820 г. он был переименован в Отдельный Кавказский Корпус (в дальнейшем - ОКК) и переформирован. Задача русских войск первоначально заключалась в защите Грузии от набегов и охране Военно-Грузинской дороги. Нежелание горцев допустить эту дорогу через их земли, религиозные причины, делали эту задачу почти неисполнимой без применения военной силы.

Россия втягивалась в долгую, кровопролитную и истребительную войну за покорение Кавказа. Именно такой характер войны позволил в 1859 г. Н. Чернышевскому воскликнуть: «Слава Богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 тысяч русских солдат». Основные сложности состояли в том, что Кавказская война была войной лесной и горной. Прибавьте к этому ловкого, отважного неприятеля и невозможность угадать время и место встречи с ним.

Наступательные действия, предпринимаемые со стороны ОКК, были двух видов. Наступление на небольшое время (набеги) и на недалёкое расстояние осуществлялось с целью истребить у неприятеля запасы, разорить аул и т.д., после чего войска возвращались на места дислокации. Наступление на продолжительное время (экспедиция) имело целью покорение какого-нибудь горского общества или целого племени, устройство нового укрепления, вырубку просек и т.д.

Для экспедиции самое удобное время зима, когда леса обнажаются от листьев. До 1845 г. это не всегда соблюдалось, и войска несли большие потери от засад и других партизанских действий горцев.

И только после 1845 г. русская администрация вернулась к прежней ермоловской тактике покорения Кавказа. Постепенное, неуклонное продвижение вперед с возведением на завоёванных территориях новых линий укреплений, прочное тыловое обеспечение, уничтожение враждебных аулов одновременно с предоставлением льгот мирным горцам сделали своё дело. Неудачная в целом для России Крымская война на кавказском театре действий завершалась громкими победами, которые далеко продвинули авторитет России среди народов Кавказа и в конечном итоге способствовали победоносному завершению покорения Кавказа.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Несмотря на достаточно обширный круг публикаций и исследований по истории русского военного костюма, рассматриваемый в данной статье период 1817-1864 годов и соответственно форма Кавказских войск практически не освещались в отечественной униформологии. Даже при наличии двух столь солидных работ, как "Историческое описание одежды и вооружения российских войск" А.В. Висковатова и "Русская армия" В.В. Звегинцова. Оба эти труда составлены были, прежде всего, на основании официальных приказов и распоряжений, далеко не всегда отражавших реальную действительность даже в столь пронизанные регламентацией эпохи императоров Александра I (1801-1825 гг.), Николая I (1825-1855 гг.) и Александра II (1855-1881 гг.).

Одной из таких реальностей в форменных отклонениях были условия военных действий, существенно влиявшие на внешний облик войск. Кавказская война, оставшаяся за кадром в работах этих маститых историков, совершенно изменяла внешность русского солдата. "Мелочность, весь хлам приличий, вся однообразность форм исчезает", - писал известный врач Н.И. Пирогов, побывавший на Кавказе в самый разгар кровопролитной войны.

В дореволюционной литературе, выходящей на заключительных этапах и после окончания Кавказской войны, было опубликовано достаточное количество материалов, обнаружив, сгруппировав и обработав которые, можно составить относительно полное представление о том, как на практике претворялись в жизнь высочайшие данные идеи.

Прежде всего, это "Полное Собрание Законов Российской империи" (1-е собрание: за 1649-1825 гг.; том 44-й с узаконениями о мундирах; 2-е собрание: за 1825-1881 гг.; постановления о форме одежды размещены в хронологическом порядке) - собрание важнейших памятников истории русского права. Интересно, что в нём публиковались не только мало нужные законодательные акты и повеления, но также и указы, продиктованные чисто практическими нуждами Отдельного Кавказского корпуса, а также постановления, лишь закреплявшие, узаконивавшие уже используемые или испытываемые предметы.

Богатый фактический материал содержится в историях кавказских полков, батальонов и бригад. Наибольший интерес в них вызывает то, что в научный оборот были выпущены сведения из полковых архивов, приказы по той или иной воинской части, зафиксировавшие немало отклонений от предписанной свыше униформы. На этой стезе достаточно потрудились такие авторы, как П.О. Бобровский ("История 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642-1892". Ч. 3-5. Спб., 1894-1898; Приложение к 4-й части. Спб., 1895), В. А. Потто ("История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка". Т. 2-8. Спб., 1893-1895), А.Л. Зиссерман ("История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880)". Т. 2-3. Спб., 1881), И. Рекалов ("83-й пехотный Самарский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии. 1845-1911 года. Краткая история боевых дел полка". Ставрополь, 1911), А. Петров ("История 83-го пехотного Самарского Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полка". Петровск, 1892), Игнатович ("Боевая летопись 82-го Дагестанского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны (1845-1861 гг.)". Тифлис, 1897), Арутюнов ("Гомборцы. Исторический обзор деятельности 1-го Кавказского стрелкового Его Императорского Высочества батальона с 1837 по 1888 год". Тифлис, 1888), М.А. Янжул ("Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады 1806-1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе". Т. 2. Тифлис, 1887) и другие.

Пласт мемуарной литературы о кавказской войне представляет огромное значение для исследователя униформы Отдельного Кавказского корпуса, так как именно в воспоминаниях получили наибольшее отражение всевозможные неформенные, неофициальные вариации, коими был столь славен сей многолетний театр военных действий.

Большая часть этого вида источников была опубликована в многотомном тифлисском издании "Кавказский сборник", выходявшем с 1876 по 1912 годы. Среди наиболее ценных публикаций можно назвать такие статьи, как "Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год" М.Ф. Федорова (Т. III), "Воспоминания из Кавказской старины" В. Андреева (Т. I), "Воспоминания о Закавказском походе 1855 г." В.А. Потто (Т. XXV), "Левый фланг Кавказской линии в 1848 году" нижегородского офицера К. (Т. IX-X), "Из-

зать, что она соблюдалась только на смотрах во время отдыха в штаб-квартирах, но раз выступали в поход, все парадные принадлежности заменялись мешками, сумками, полушубками и т. д.

Постепенно Кавказ в той или иной степени наложил некоторый отпечаток на все регулярные войска ОКК. Вначале это влияние носило чисто стихийный характер, и не было узаконено никакими постановлениями. Просто солдаты и офицеры по собственной инициативе, нарушая суровые уставные требования, вносили изменения в свою форму, столь мало приспособленную для ведения военных действий в условиях Кавказа, заимствуя у местного населения отдельные элементы одежды. Особенно большие вольности в этом отношении позволяли себе офицеры.

"Кавказские офицеры и солдаты, - писал историк Тенгинского полка Д. Ракович, - были одеты крайне своеобразно. Всякого свежего человека, первый раз встречавшего кавказские войска, поражало это почти полное отсутствие воинского вида и именно в то время, когда высшие сферы признавали форму за сущность и малейшее отступление от образцов готовы были считать падением доблести".

Кавказское начальство не стесняло инициативу войск, так как на опыте испытало, что значит обмундирование и снаряжение, созданное в кабинете. Более того, дальновидные и заботливые командиры пытались облегчить участь подопечных им войск. Как это сделал в 1810 году командующий русскими войсками на Кавказе генерал Ф.О. Пауллуччи, который позволил в походе употреблять "фуражные шапки, а киверов и касок в поход вовсе не брать".

И главнокомандующий ОКК А.П. Ермолов снисходительно относился к "фигурантам", как он называл войска в "пёстрой, разнообразной одежде, мало напоминающей форму" во время боевых походов. Недаром еще в 1818 году Ермолов в письме к начальнику штаба 1-й армии генерал-адъютанту барону И.И. Дибичу предполагал в одежде солдат сделать изменения, соответствующие климатическим условиям региона. Для вящей убедительности процитируем основные положения документа:

"Кивера. По здешнему знойному климату, кивера совсем неудобны; ибо кожа, нагреваясь от лучей солнца, удерживает такую степень жара, который не только тяготит солдат, но и производит сильные головные боли. Здесь несравненно удобнее иметь кивера на подобие Лейб-Казачьих, из простой чёрной овчины с козырьком и лопастью, которая бы ... закрывала затылок от солнца ... но без султанов, которые здесь не годятся. Удобство сих киверов доказывается употреблением овчинных шапок всеми вообще народами, по сей стороне Кавказских гор и далее в Персии и Турции живущими, что испытал я во время пребывания моего в Персии.

Кафтаны тёмно-зелёные ... думаю не излишне сделать кафтан без полок [фалд] круглый ...

Панталоны суконные. Сделать тёмно-зелёные ... ибо ... солдат для белеяния употребляет часть жалованья, весьма чувствительную. Краги кожаные отменить, которые ... в зимнее время, здесь большей частью дождливое, скоро намокают и медленно высушиваются ... Во всякое же другое время они или не употребляются, или бесполезны, и к тому кожа от здешнего жара худо сохраняется.

Перевязи и портупей. Сделать чёрные лакированные; ибо, как и выше я сказал, белить здесь не чем, или чрезмерно стоит дорого для солдат...

Ранцы. Вместо ранцев иметь для солдатского экипажа из ревендука с подкладкою чемаданы, по образцу кавалерийских. Настоящих же ранцев содержать только по числу рот, употребляемых в движение...".

Забегая вперед, скажем, что многие предложения этого талантливого военачальника и администратора будут позже так или иначе воплощены в жизнь.

В целом, вещевое довольствие кавказских войск в ермоловский период шло из Ставропольской комиссии, куда полковые приемщики со всего Кавказа с пешими отрядами отправлялись в сентябре для получения амуниции на следующий год. Возвращались же они в июне-июле месяце следующего года, когда "рубашки и сапоги износились в прах, а мундиры были в заплатках, да еще нужно было время для их постройке. Ермоловские протесты по этому предмету были бессильны в Петербурге".

Как вспоминали современники, «кавказскому войску в то время на роду было написано – ходить в лохмотьях, купить негде, а одежда на работах и в походах по каменистым дебрям и местным густым чащам решительно горела на людях и не выслуживала срока». Даже такой строгий службист и педант, как генерал-адъютант А.Ф. Паскевич, в сердцах воскликнул: «Мне стыдно показать вас неприятелю». Позже в этом пришлось убедиться во время поездки по Кавказу в 1837 г. и самому Императору Николаю I. Ему, «привыкшему во всем к педантичной точности, на каждом шагу бросались в глаза отступления от принятых форм и правил, но он добродушно извинял их и шутил над наивно-тщетными усилиями кавказских войск всё делать и даже одеваться по форме».

Сами же «дети кавказской армии, настолько присмотрелись к странностям всякого рода, что даже не замечали их». А посмотреть вновь прибывшему из России было на что. Начнём с характеристики одного из элементов форменной одежды кавказского солдата, которым являлся **Головной убор**.

1 апреля 1827 г. последовал приказ по ОКК: «кивера оставить в полковом штабе, в походе носить фуражные шапки, к коим приделывать козырьки и надевать белые холщевые чехлы, для предохранения в знойное время от солнечных лучей. Но чехлы не пришивать, а надевать на фуражки, а при отправлении службы их снимать». В таких фуражках все строевые войска ОКК ходили в течение тёплых 4-5 месяцев в году. С 1841 года добавлен чёрный кожаный подбородный ремень. Среди офицеров была модна фуражка «а ля Коцебу». Её отличие состояло в том, что белый чехол покрывал вместе и козырёк. Именно такую носил генерал П.Е. Коцебу – начальник штаба ОКК с 1837 по 1853 гг.

В 1844 г. офицерам ОКК приказано прикреплять к чехлу овальную кокарду. Суровая боевая обстановка заставила пехоту в летних экспедициях (особенно в лесах) снимать эти чехлы, так как белый цвет выделялся на тёмном фоне и был отличной мишенью для горцев. Особенно часто их жертвой становились молодые офицеры по причине излишней бравады.

Прибывшая для участия в русско-персидской войне (1826-1828 гг.) 2-я уланская дивизия в составе Белгородского, Чугуевского, Борисоглебского и Серпуховского уланских полков была вынуждена по местным условиям обшивать свои шапки белыми холщевыми чехлами. Чехлами были покрыты и кивера лейб-гвардии Сводного полка, состоявшего из двух батальонов л.-гв. Московского и Гренадерского полков, отличившегося в Персидской войне.

Следующим «новшеством» для пеших войск ОКК было введение по высочайшему повелению с 10 августа 1829 года вместо киверов овчинных шапок по особому образцу. Это были шапки из чёрной овчины с кожаным козырьком. Читатель помнит хлопоты А.П. Ермолова о перемене головного убора, так как кивера «составляют нечто в роде пытки» и его предложения. Вот и претворение их в жизнь.

Шапка была суженой сверху и скошенной сзади - высота спереди около 30 см, сзади – 21 см. Кожаный каркас обтянут чёрным бараньим мехом. Желтая медная (у сапер и пионеров – луженая) бляха в виде орла с распростёртыми крыльями и щитом. На щите у отборных рот – гренада с прорезанным в ней полковым номером, у артиллерии – артиллерийская арматура с № бригады, у сапер – арматура с гренадой, у пионер – прорезанный номер батальона, у остальных лишь прорезной номер полка. Над бляхой знак отличия «с прорезной надписью» – эти ленты были пожалованы ряду полков ОКК за подвиги в русско-персидской и русско-турецкой войнах 1826-1829 годов. Таким правом пользовались строевые чины Грузинского (с 1828) и Херсонского (с 1828) гренадерских, Эриванского карабинерного (с 1828), Кабардинского (с 1830), Мингрельского (с 1828), Ширванского (с 1826), Тифлисского (с 1830) пехотных, 42-го егерского (с 1830) полков. В 1852 г. такой награды удостоился Куринский егерский полк за отличие на левом фланге Кавказской линии. Знак крепился на шапке ниже репейков. Вместо султанов были введены круглые помпоны: у офицеров серебряные, у нижних чинов – шерстяные; у гренадёр и карабинер красные, в остальных ротах – белые в 1-м батальоне, белые с светло-синим во 2-м, зеленые со светло-синим в 3-м батальоне. Правда, эти расцветки помпонов несколько раз менялись. Застёжки шапки в виде мед-

записок князя Амилахвари» (Т. XXVI), «Зимняя экспедиция в Чечне» К. (Т. XIII), «1845 год. Воспоминания В.А. Геймана» (Т. III), «Военные действия в Кубанской области с 1861-го по 1864-й год» В. Солтана (Т. V) и многие другие.

Мемуары выходили и отдельными изданиями. Это, к примеру, «Даргинский поход. Из воспоминаний барона А.П. Николаи» (М., 1890), «Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867)» А.Л. Зиссермана (вышли в С.-Петербурге в 1879 г. в 2 частях, охватывающих период с 1842 по 1856 гг.), записки побывавших в «теплой Сибири» декабристов (скажем, Н.И. Лорер, А.П. Беляев), «Война за Кавказом в 1855 году» Н.Н. Муравьева (Т. I-II. Ч. 1-4. СПб., 1877) и др.

Не был забыт и эпистолярный жанр. Так, немало писем А.П. Ермолова, повествующих о многих интересных делах на Кавказе, было опубликовано в «Сборнике РИО» (Т. 73. СПб., 1890).

Отметим, что в воспоминаниях и записках командиров кавказских войск неформенная одежда встречается, но принимается как нечто должное, т.е. как считавшееся на Кавказе нормой.

Даже в научных трудах (таких как «Кавказская война» В.А. Потто, многотомное издание «Утверждение русского владычества на Кавказе» и др.) содержится немалое число описаний и зарисовок реалий кавказского военно-походного быта. В реляциях, донесениях, проектах, журналах военных действий и приказах на местах, включенных в собрания документов (Т. XXI и XXIV «Кавказского сборника»; «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею»; приложения к «Запискам А.П. Ермолова», ч. 2, 1869, и др.), можно почерпнуть ряд интригующих деталей (например, медные каски драгун, воевавших на Кавказе в Восточную войну 1853-1856 гг.).

Кроме того, на Кавказе в разное время и по разным причинам побывали (и послужили) такие классики русской литературы, как Л.Н. Толстой («Набег», «Рубка леса», «Казаки») и М.Ю. Лермонтов («Герой нашего времени», «Кавказец»), писавшие и о современном им кавказском мундире. Из своих, кавказских писателей, наиболее известны супруги Лачиновы, выпустившие под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов книгу «Проделки на Кавказе», где, в частности, даётся образная характеристика фуражки «а ля Коцебу».

Характерной особенностью как художественной, так и мемуарной литературы о Кавказе является тот факт, что писавший о том или ином предмете, не только наблюдал его, но и сам мог его носить, лично проверяя удобность и надёжность вещи в нелегких условиях кавказской экспедиции.

Впрочем, были те, кто запечатлевал это не только пером, но также и карандашом или кистью. На Кавказе побывали и оставили свои рисунки и картины В.Ф. Тимм, М.Ю. Лермонтов, Т. Горшельт, В. Поливанов, Машков, К. Муане. Кавказский период был наиболее плодотворным в творчестве князя Г.Г. Гагарина, прекрасного мастера работы с натуры. Участвуя в военных экспедициях 1840-х годов в качестве художника-любителя, Гагарин оставил великолепные реалистические зарисовки военно-бытового плана. Кисти этого ученика К. Брюллова принадлежат картины «Карагач. Главная квартира Нижегородского полка» и «Белый ключ. Главная квартира Мингрельского полка», изображения нижегородских драгун, горцев, милиционеров, казаков, портреты кавказских героев.

И, наконец, среди письменных источников заслуживают упоминания дореволюционные «указатели» (фактически, каталоги предметов) по различным кавказским музеям, связанным с военной историей...

Однако при изучении данной проблемы следует помнить, что к мемуарам, рисункам, литературно-художественным произведениям современников следует всегда относиться критически. Но в то же время они нередко являются почти единственными источниками по истории неформенного обмундирования регулярных российских войск эпохи Кавказской войны.

И при таком обилии и разнообразии нарративных и документальных сведений тем более представляется странным, что почти за полтора века, прошедших со времен окончания войны, по теме мундира Кавказского корпуса не было опубликовано ни одной работы. Лишь в последние годы был несколько приоткрыт занавес, скрывавший данную проблему. В 1996 году издательство «АСТ» выпустило книгу И.Э. Ульянова «Регулярная пехота 1801-1855» (2-я часть труда, повествующего об истории российской пехоты с 1698 года), где практически впервые за десятки лет была затронута «кавказская реальность» униформы русской пехоты эпох Александра I (1801-1825 гг.) и Николая I (1825-1855 гг.). Эта тема поднималась и в статьях ставропольского историка В.В. Стецова.

ной чешуи. Авторы не встречали упоминаний об использовании на меховых киверах ОКК чехлов, ни белых холщовых летом, ни клеёнчатых в непогоду.

Однако уже первые месяцы показали полное неудобство этих овчинных шапок для походов. Поэтому во время экспедиции их оставляли в штаб-квартирах и носили фуражки. А с 26 октября 1842 г. было повелено, впредь до утверждения новой формы головного убора, носить фуражные шапки вместо овчинных шапок. Так продолжалось до 1848 г.

Здесь надо сказать, что солдаты ОКК сами довольно давно нашли головной убор, отвечающий требованиям кавказского климата, — это была горская папаха — «черкесский папах». Упоминания об использовании подобного головного убора встречаются еще в до-ермоловские времена. Однако, до введения официально в 1848 г., данный головной убор использовался солдатами только в дальних гарнизонах, во время длительных экспедиций. Использовались папахи «черкесские» — внешне схожие с теми, что введут в 1848 г. И папахи «дагестанские» — высокие, из овчины, с суконным дном, часто такие высокие, что верх шапки наклонялся в сторону. Подробное описание шапки, официально введенной в 1848 г., будет изложено в главе, посвященной особой форме ОКК образца 1848 г.

Из регулярной кавалерии в состав ОКК входил Нижегородский драгунский полк. Поэтому на него распространилось распоряжение о введении овчиной шапки среди войск корпуса. С 31 января 1836 г. к шапкам драгун прибавились широкие шнуры с кутасами на конце, которые спускались сзади до самого пояса, а с правого бока заканчивались двумя висячими кистями. Шнуры у офицеров серебряные, у остальных — желтые. Как и у пеших частей ОКК, шапка у драгун являлась предметом парадной формы на смотрах и парадах в праздничные даты. В остальное время нижегородцы носили фуражки, летом в чехлах. Правда, официально овчинные шапки у Нижегородских драгун были отменены значительно позже, чем в пеших частях — в 1855 г. В марте этого года нижегородцы получили вместо овчиной шапки образца 1829 г. меховую папаху, которую пешие войска ОКК носили с 1848 года. Цвет колпака драгунской папахи был красным (до декабря месяца, поэтому его, вероятно, просто не успели ввести), а затем малиновым.

Для усиления ОКК в годы Крымской войны 1853-1856 гг. на Кавказ была командирована сводная драгунская бригада в составе Новороссийского и Тверского драгунских полков. Очевидец походов сводной бригады вспоминал, что «драгуны в своих медных касках млели и падали с лошадей, да и труд-

Эскиз Ю. Брановского. Слева стоит рядовой Нижегородского драгунского полка в форме образца 1834 г. (выдана в 1836 г.). Кутасы на овчинной шапке появились в

1836 г. Короткое драгунское ружьё со штыком (для пеших служб). Ножны штыка крепились на ножнах шашки (по акварели Г.Г. Газарина).

В центре стоит гренадер сводного стрелкового батальона лейб-гренадерского Эриванского полка в 1860 г. Верх шапки цветной. Дубленый полушубок оторочен тёмным мехом. Сзади поверх кавказского холщового мешка скатка шинели. Кавказские сапоги припущены.

Справа мушкетер Тенгинского полка в Ольгинском укреплении в 1835 г. На голове белая холщовая фуражка. На шинели нашиты синие суконные газыри. Воротник и погоны красные. За плечами белый холщевый «кавказский мешок», на таких же лямках. Вооружён трофейным кинжалом.

но было выдержать голове, когда до раскаленной меди невозможно было дотронуться ... Ухитрились было мы обшивать свои каски белым холстом, как кавказцы обшивают свои фуражки и отбыли так 1854 год; но теперь [в 1855 г. — Авт.] вдруг это показалось чем-то безобразным и было запрещено». Не везло драгунской «вороной» бригаде с головными уборами — «каска плохо выдерживали невзгоды бивачной жизни. Офицеры, у которых они были уничтожены временем или пулями кюрюк-даринского сражения, написали новые из Петербурга, а до получения их, Муравьев приказал офицерам носить во фронте солдатские каски». Грозный приказ главнокомандующего ОКК последовал после майского смотра 1855 г., где многие офицеры бригады были в фуражках.

После введения в марте 1862 г. суконной шапки-кепи в русской армии, войска ОКК сменили меховую шапку на новый головной убор. Весной и летом 1863 г. уже отмечаются факты ношения «вновь построенных кепи, с чахлами и назатыльниками». При этом еще в 1863-1864 гг. неоднократно встречаются случаи широкого использования ста-

рых головных уборов — овчинных шапок 1848 г. Причем их носят и пехота, и кавалерия ОКК. Ярким подтверждением этого являются фотографии офицеров и рядовых драгун Нижегородского полка в 1862-1864 гг. В истории лейб-гренадерского Эриванского полка сообщается о формировании 1-го сводного стрелкового батальона полка для действий в Кубанской области в 1860-1863 гг., где головным убором названы папахи с цветным колпаком по ротному значку: 1-я рота — красный, 2-я рота — белый, 3-я рота — голубой, 4-я рота — желтый.

Говоря о головных уборах войск ОКК, нельзя не упомянуть о специфическом, родившемся на Кавказе и заимствованном русской армией у горцев элементе — башлыке! Суконный колпак с длинными лопастями хорошо защищал от ветра и стужи. Об использовании башлыка в русской армии встречаются упоминания с 20-х годов XIX в., то есть задолго до его официального введения в 1862 г. Сначала офицеры, а затем отдельные солдаты начали его использовать в походной форме.

Исходя из вышеизложенного видно, какими особенностями и разнообразием головных уборов отличались войска ОКК и прикомандированных частей. Не менее интересен основной элемент обмундирования войск на Кавказе — **Мундир**.

Согласно Высочайшей воле, войска Кавказского корпуса должны были носить мундир общеармейского образца. Однако и здесь войска на Кавказе выделялись из общего армейского ряда. Постоянные походы, сложный климат, военные действия приводили мундир в самый плачевный вид. Обтрёпанный, выцветший, покрытый заплатками мундир кавказского солдата мало напоминал образец, утверждённый императором. Очевидец так писал в ноябре 1826 г.: «Мы возвратились из Персии в дырах и заплатках, не только солдаты, но и офицеры». При этом «кавказские войска хотя одеты не красиво, но своим видом умеют внушать уважение неприятелю», как справедливо замечали даже иностранцы.

Как событие отмечалось вступление в Тифлис прибывшего на персидскую войну л.-гв. Сводного полка, который «был одет в мундиры, со всевозможной опрятностью». И возвращение в Тифлис в 1828 г. Херсонского и Грузинского гренадерских полков, когда «всех крепко обносившихся» спрятали вглубь колонн.

Вообще использование мундира (который всегда в походе носили солдаты в ранце) во время боевых действий, экспедиций в горы было весьма проблематично. Недаром современники всегда отмечали, что приказ «одеться в мундиры» вызывал излишнюю суматоху и неудовольствие солдат. А сбережение мундира для торжественных случаев было

весьма обременительно для солдата. Поэтому чаще всего кавказского солдата можно было увидеть в чём угодно, но только не в мундире.

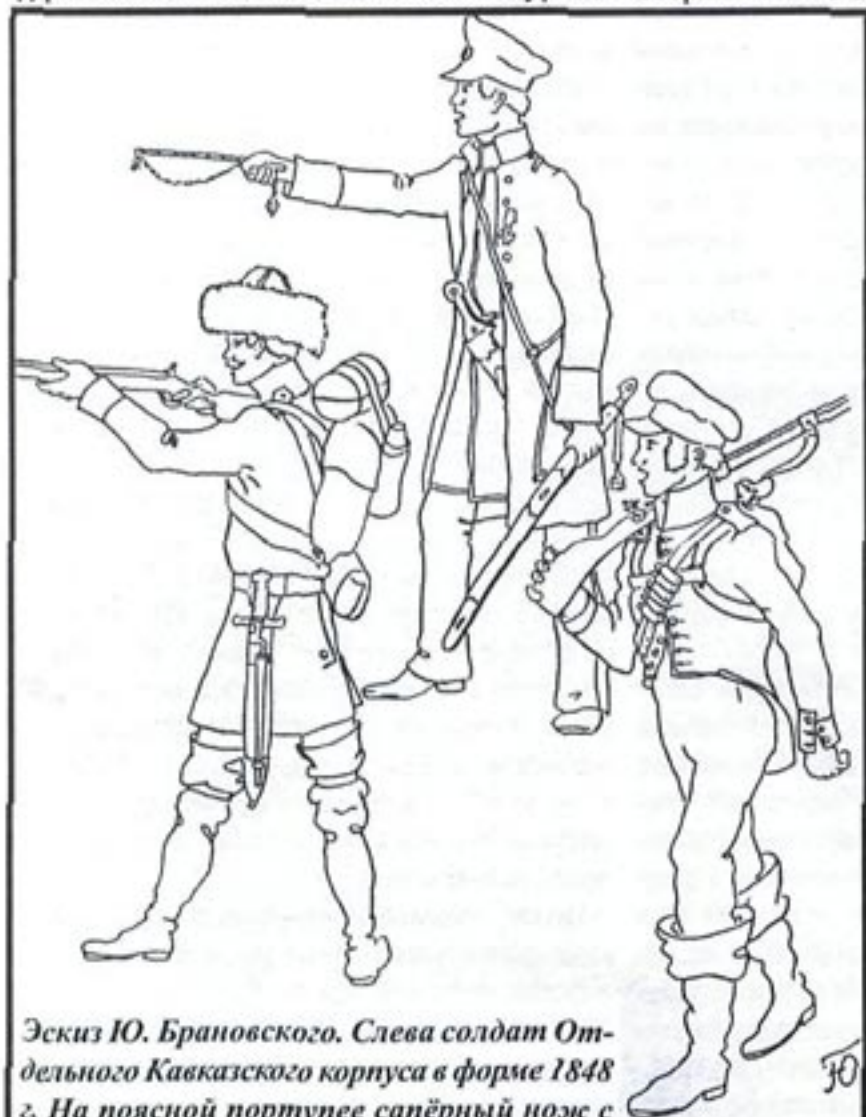
В жаркое время года (а это 6-8 месяцев в году) мундир вообще оставался неостребованным. Командиры частей пытались как могли облегчить летнюю форму солдат. Известно, что командир 7-го карабинерного полка (будущего Эриванского гренадерского) полковник Н.Н. Муравьев с согласия нижних чинов пытался завести для солдат белые кителя и панталоны из равендука в июле 1823 г. Но какими-либо сведениями о покрое и судьбе кителей в полку авторы не располагают.

В более позднее время, когда вещевое снабжение стабилизировалось и даже улучшилось (1850-е г.), кавказское начальство разрешало караульным и часовым летом быть без галстуков, с расстегнутыми воротниками и нижними пуговицами у полукафтаноу.

Интересен опыт Нижегородского драгунского полка. Еще с александровских времен одним из видов форм драгун являлась форма для конюшни, состоявшая из кителя и фуражной шапки. Китель шился из сурово-

го некрашеного каламенка (грязно-белая ткань типа парусины). Китель был обще кавалерийского образца и имел низкий стоячий воротник и обтяжные пуговицы. Белые кителя фактически до конца Кавказской войны оставались походно-повседневной одеждой нижегородцев. Так, во время русско-турецкой войны в 1828 г. пленные турки отмечали храбрость драгун, "одетых в какие-то белые балахоны" - кителя. Хорошо известны акварели Г.Г. Гагарина, изображающие нижегородских драгун, которые одеты в белые двубортные кителя. Красная перевязь лялдуки на изображениях лишней раз доказывает, что нижегородцы продолжали носить летом белые кителя и после 1836 г. (когда оделись в новую форму 1834 г.).

Определённым шагом высших кругов к нуждам кавказских войск можно считать введение нового особого обмундирования для Нижегородского драгунского полка - единственной регулярной кавалерийской части в ОКК. 20 июня 1834 г. было утверждено новое обмундирование для нижегородцев. Вместо узкого мундира с короткими фалдами, на драгунах появились широкие, просторные темно-зеленые куртки, с нашитыми

Эскиз Ю. Брановского. Слева солдат Отдельного Кавказского корпуса в форме 1848 г. На поясной портупее сапёрный нож с гнездом для штыка. Кавказский ранец из чёрной юфтовой кожи и с манеркой из белого металла. В центре обер-офицер в сюртуке без эполет. Белый чехол покрывает и козырек фуражки. Поверх чехла кокарда (с 1844 г.). Под сюртуком цветной бешимет, расшитый по борту и полам серебряным галуном. Кавказская шашка и кинжал, отделанные серебром, носятся офицером на чёрной сыромятной кожаной портупее. Кавказский солдат в походе. 1830-1840-е гг. Фуражка покрыта белым чехлом. Носит кавказский холстинный мешок на лямках из того же материала. На груди виден типичный горский патронташ (газыри на ремне через плечо). Высокие кавказские сапоги приспущены для удобства ходьбы.

по обе стороны напатронниками с медными колпачками и цепочками. Куртка опоясывалась темно-зеленым кушаком с красными каймами. Шаровары у всех были казачьи, в сборках, темно-зеленого сукна с широкими красными лампасами. "И нижегородцы гордились этой формой, как взятой с боя". Однако реально драгуны оделись в новую форму только к "пасхальной заутрене 1836 года". И опять использование даже этих достаточно удобных мундиров было весьма ограничено. Как отмечал полковой историк, даже "на царский смотр приходилось выезжать в том, в чем их видели горцы, да свои же неприхотливые походные товарищи".

Летняя жара заставляла заботиться о здоровье солдат. И по страницам полковых историй, мемуаров, на рисунках постоянно мелькают солдаты, одетые в "белые чистые рубахи", "в белой летней чистой форме", "в белых матросских рубахах". Никаких официальных документов на этот счёт пока не обнаружено. Известен только приказ по военному министерству от 12 июня 1834 г., касающийся покроя рубах нижних чинов всех

войск - "иметь обыкновенного покроя, с разрезом воротника спереди; разрез же воротников с боку запретить". Шились рубахи из тонкого холста, погоны не полагались. Именно в таких рубахах с расстегнутыми воротниками изображены солдаты на акварели М.Ю. Лермонтова и Г.Г. Гагарина "Эпизод из сражения при Валерике 11 июля 1840 года". Современники вспоминают, что в невыносимо жаркие дни "солдатам позволяли быть в одних рубахах", "после захода солнца ходили в одних белых рубашках, что запрещалось в холодные ночи". Неоднократно указывается, что даже в бою солдаты часто бывали "в одних рубахах с патронташами и рубьями".

Составным элементом мундира солдата являлись панталоны (или, говоря современным языком - брюки). По своему функциональному назначению панталоны подвергались самым большим нагрузкам и изнашивались быстрее других элементов мундира. Из-за несвоевременного снабжения войск ОКК годовыми вещами, солдатам приходилось шить панталоны из разных материй на собственные средства. А отсюда и самые разнообразные варианты в качестве и цвете. Именно солдаты ОКК первыми начали заправлять панталоны в сапоги, пытаясь хоть как-то сберечь первые.

"Вызывала ужас" карикатура 1826 г., изображавшая солдата ОКК в "синих холщевых широких шароварах, заправленных в сапоги". Задолго до официального введения в 1833 г., солдаты ОКК носили летом белые панталоны без краг. Кавказские командиры вполне спокойно воспринимали солдат в "синих шароварах", нижегородских драгун "в чёрных с красными лампасами шароварах". Историк Самурского полка упоминает "казинетовые [полушерстяные] шаровары с тоненьким красным кантиком по швам", используемые солдатами. Нижние чины Кабардинского полка щеголяли "летом в чадровых (кумачовых) [хлопчатобумажная ткань алого или синего цвета] шароварах". А в 1863 г. в Даховском отряде на Западном Кавказе свободно маршировали в колоннах солдаты даже "в одних белых исподних панталонах". В походах 1864 г. солдаты Пшехского отряда настолько пообносились, что их "синие чадровые шаровары были испещрены белыми нитками и всех цветов заплатами" и поэтому пришлось окрашивать их в ольховой коре, в результате чего они приобрели отличный чёрный цвет, "покрывший все недостатки изношенной чадры".

Выдумка солдат в использовании различных видов тканей при "постройке" панталон и шароваров не знала границ: шили из канусовой ткани (персидская шёлковая), из нанковой (бумажная), из холстины разных цветов, из канифасной (саржевого типа) и других. Уставные панталоны темно-зеленого сукна (зимние) и белые фламского полотна (летние), хотя и использовались лишь для смотров и праздников, носились солдатами в ранцах даже во время дальних экспедиций в горы.

Отклонения офицеров ОКК от "надлежа-

шей формы обмундирования" были настолько многочисленны и фантастичны, что необходимо отдельно обрисовать хотя бы общие тенденции использования офицерской униформы.

Сюртук, являясь верхней повседневной одеждой, был самым распространённым элементом офицерского костюма. Причём постепенно он начал использоваться не только в походной, но и в праздничной форме кавказских офицеров. Сюртук здесь заменял мундир и шинель.

Покрой сюртука был общеармейским, но с вариантами. Так, главнокомандующий ОКК, князь М.С. Воронцов любил носить "длиннополюый сюртук из толстого сукна" и распространял эту моду на подчиненные ему войска. Командир Нижегородского драгунского полка полковник Ф.А. Круковский "носил длиннополюый сюртук, вершка на три ниже колен, с глубокими карманами наперед", князь М.З. Аргутинский часто ходил "в своём мешковатом тёплом, длинном гражданском сюртуке". Нередко сюртук шили на подкладке из ваты, подбивали мехом – в сражении при Кюрюк-Дара летом 1854 г. "многие офицеры были ... в меховых сюртуках".

Даже в манере ношения сюртука кавказские офицеры выделялись из других частей русской армии. Часто сюртук носили расстегнутым сверху донизу, Лермонтова видели в сюртуке с откинутым воротником. Под сюртуком, по кавказской моде, носили цветные рубахи или бешметы – застегивающиеся на крючки рубашки до колен и со стоячим воротником, предмет национальной одежды горцев Кавказа. Так, современники запомнили "красную канаусовую рубашку" под сюртуком у Лермонтова, "голубой бешмет" командира Нижегородских драгун полковника Я.И. Чавчавадзе и артиллерийского капитана Э.В. Бриммера (будущего командира артиллерии ОКК), цветную ситцевую рубаху генерала И.М. Лабынцева.

По сложившейся традиции офицеры ОКК в походной форме не носили эполет и шарфов – обыкновенно ходили на службу лишь с наплечными узенькими поперечными контр-погончиками. Делалось это как в целях маскировки от метких пуль горцев, так и из экономии. Из этих же соображений часто офицерские сюртуки были выцветшими, лишившимися ворса, даже засаленными в некоторых местах. Попытки некоторых генералов и штаб-офицеров одеваться по уставу вызывали у кавказских войск искреннее удивление и неприятие. В июле 1838 г., при посещении форта Тенгинского на Черноморском побережье главнокомандующим ОКК генералом Е.А. Головиным, "кавказские войска были страшно поражены увидеть перед собой генерала при 45 градусах тепла в сюртуке, застёгнутом на все пуговицы и крючки, в огромном галстуке... Пот градом обливал его лицо, которое он тщетно старался утирать носовым платком". Командира Кабардинского полка князя А.И. Бяратинского солдаты видели "в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, несмотря на июль месяц, в аксельбантах, доказывавших его флигель-адъютанское звание, и с офицерским георгиевским крестом в петлице". Наверное, общее настроение офицеров ОКК выразил ге-

нерал Н.Н. Раевский, который во время смотра в ответ на вопрос "какой награды он желает ... простодушно только просил позволения снять сюртук и галстук". Этим и отличались истинные кавказские офицеры от "фазанов", офицеров приехавших на Кавказ за наградами. Фазанов всегда отличали "хороший сюртук" и "белые перчатки, надеваемые всюду". И было их достаточно - из военных постановлений известно, что каждый полк российской армии командировал в экспедиции ОКК по одному поручику раз в четыре года (к 1 апреля и по прибытии там круглого года).

Внешний вид кавказского офицера дополняли неуставные панталоны всевозможных цветов и покроев. Особенно здесь выделялись младшие офицеры и юнкера. Прапорщик Ширванского полка был в "форменном сюртуке и желтых нанковых панталонах", юнкера Кабардинского полка ходили в "толстом мундире с галунами, в верблюжьих шароварах, чевяках и с шашкой через плечо", в "сюртуке, шароварах лезгинского сукна на очкуре [продёрнутая завязка – Авт.]". Вообще, в походах и лагерной форме офицеры заменяли форменные панталоны образцами "верблюжьего" цвета и тому подобными. Дело доходило до анекдотичных случаев, когда несоблюдение формы спасало жизнь. Например, летом 1850 г. юнкер Гаевский из Нижегородского драгунского полка был одет в "драгунскую куртку с газырями, желтые лезгинские шаровары с широким очкуром и длинными кистями, соломенная шляпа на голове, и красные чевяки на ногах; оружия при нём не было никакого, кроме дубовой ветки, которой он отмахивался от мух". В общем, "никогда чеченцы не видели на русском такого костюма", почему приняли юнкера за сумасшедшего, что того и спасло. Или "голубые панталоны с ужасно натянутыми штрипками" у артиллерийского офицера на бульваре в Пятигорске, или "панталоны с раструбами" у майора Дагестанского пехотного полка.

Не менее популярным у офицеров ОКК был "черкесский костюм" - верхняя одежда кавказских народов. Та, что во 2-й половине XIX в. получила название "черкеска". Это название было дано одежде русскими, которые впервые увидели её на черкесах. Представляла она собой кафтан с открытой грудью, без воротника, с полами длиной до колена или середины голени. На груди черкески по обе стороны, вкось, нашивались напаторники – специальные кармашки для газырей, в которых хранились заранее отмеренные дозы пороха.

Лермонтов объездил Кавказскую Линию и Грузию в 1837 г. "одетый по-черкесски, с ружьем за плечами". Современник отмечал в 1846 г. "трёх офицеров, в черкесках, но форменных фуражках" (как мудро – фуражки, это чтобы солдаты не приняли за горцев). Кавказский колорит офицеров ОКК приводил даже к появлению подобных приказов: "Офицерам соблюдать форму одежды, так как некоторые из кавказских артиллеристов, во время пребывания их в отпуску в России, представлялись начальству не в мундирах, а в казакиных [черкесках – Авт.] и в черкесских шапках".

Чтобы читателю зримо представить тогдашних офицеров ОКК, дадим две зарисовки современников. В 1826 г. артиллерийский офицер "был в сюртуке, спереди на поясе, кинжал, через плечо шашка, а за поясом, сзади, заряженный пистолет ... чтобы не быть простым зрителем, а принять участие в битве". В 1845 г. в крепости Внезапной, где квартировал Кабардинский егерский полк, "все жили на походную ногу. Вся форма заключалась в сюртуке с контрпогончиками; широчайшие верблюжьих шаровары, непременно с шёлковым очкуром, дополняли костюм, да азиатская шашка под серебром, неразлучная спутница каждого; зимою – шубка из мерлушек азиатского покроя. Вот костюмы, в которых ходили офицеры и дома, и на службе, и представлялись начальству. Считалось большим шиком иметь под сюртуком шёлковый бешмет и на поясе кинжал - тогда уже сюртук расстёгнутый ... у В.М. Козловского [командира полка – Авт.] был зелёный бешмет, на поясе большой кинжал под серебром; в таком костюме, для начальства, и то большого, застёгивались верхние 3 пуговицы на сюртуке".

Поэтому слова Лермонтова о костюме "смесь черкесского с нижегородским", были результатом тонкого наблюдения писателя за бытом кавказского офицерства.

Исходя из вышеизложенного, можно согласиться со словами, которые были произнесены в 1857 г.: "Кавказский солдат мало нуждался в хорошо сшитом мундире или полукафтани (потому что весьма редко, да и не для чего было надевать их)". Поэтому "большинство же было в том самом поношенном платье, в котором постоянно карабкались по горам". Войска Кавказского корпуса, находясь большую часть года в походах, на работах и передвижениях, мундир использовали гораздо реже, чем Шинель.

Это не удивительно – ведь шинели являлись главной частью походного обмундирования солдата русской армии. Поэтому уже на исходе второго года носки они становились очень ветхими, выцветшими до желтизны, а на третий год нередко обращались в лохмотья, покрывались латками. В связи с этим в ОКК сроки службы мундира и шинели были изменены: первым назначены 3 года, последним 2 года.

Функциональное значение шинели постоянно усвершенствовалося солдатами. Так, нижние чины Тенгинского полка, стоящего в 1835 г. в укреплении Ольгинском на Чёрном море, додумались "на форменные шинели нашить, по образцу линейных казаков и горцев, суконные разноцветные патронташи, по казачьему "хазыри", для пяти или шести патронов с каждой стороны груди". Задолго до официального разрешения в 1851 г. подворачивать в походе полы шинели, кавказские солдаты уже делали это, "подвернув как-то шеголевато, на подобие сюртуков, шинели свои". Редко в экспедициях используя ранцы, солдаты ОКК, в основном летом, носили шинели в скатках через плечо. Во время Крымской войны солдаты достаточно часто одевали трофейные светло-серые шинели низама (турецкой пехоты) поверх своих шинелей.

(Окончание следует)

От идеи к реальности. [К вопросу об эволюции русского мундира в Кавказской войне]

М.В. Нечитайлов, В.В. Стецов

(Окончание, начало в № 11)

Носили обыкновенные толстого сукна солдатские шинели и сосланные на Кавказ декабристы, другие провинившиеся и разжалованные офицеры. В противоположность им юнкера, прапорщики предпочитали шить "щегольские тонкого сукна шинели солдатского покроя". М.Ю. Лермонтов и на офицерской шинели отгибал воротник. "В видах уменьшения потерь в офицерском составе, Император Николай Павлович присвоил всем офицерам солдатские шинели, - писал современник Крымской войны, - которые мы носили в продолжении всей войны, находя их вполне удобными". Хотя при этом большинство кавказских офицеров предпочитало все же быть в сюртуке.

В холодное время года или при экспедиции в высокогорье солдаты и офицеры ОКК носили полушубки из овчины. Заготавливались они за счет экономии полковых средств или, как в Эриванском карабинёрном полку в 1828 г., на суммы, "полученные в походе за винную порцию". Здесь всё зависело от желания полкового командира, его заботы о личном составе.

Овчинные полушубки были длиной ниже колен, с коротким отложным воротником овчиной наверх или без воротника вообще. По борту, низу, вертикальным боковым карманам шла обшивка овчиной. Запахивался полушубок налево. Погоны и эполеты на полушубок не полагались. Как правило, с полушубками войска носили неуставные черкесские папахи. Когда было особенно холодно солдаты "сверх полушубков накидывали шинели". Офицеры, в основном "одетые в нагольные и дубленые полушубки, ничем не отличались от солдат". Хотя в кавказских войсках был хорошо известен белый полушубок покрытый голубым сукном, который носил Ф.А. Круковский. Или вот как был одет вольноопределяющийся Нижегородского драгунского полка Амилахвари: "чёрная папаха, полушубок крытый тёмно-синим сукном, сапоги с высокими голенищами".

В начале 1860-х годов, когда снабжение кавказских войск улучшилось, солдат начали одевать в хорошие дублёные полушубки, часто с расшитыми нагрудниками, отороченные серыми и чёрными смушками. Офицеров снабдили меховыми бекешами. Именно так был снаряжён Сводный батальон лейб-гренадерского Эриванского полка в 1860 г.

Непременным спутником кавказских войск "было ношение зимой бороды. Солдаты находили в этом ту выгоду, что не отмораживали подбородков и всему лицу было теплее. Офицеры испытывали те же выгоды от ношения бороды". Нередко бороды отпускались во время походов и в другое время года. Привычка эта долго сохранялась в ОКК, несмотря на неоднократные приказания. Так, в 1862 г. в приказе по Тифлисскому гарнизону отмечалось, что офи-

церы, прибывающие по разным случаям в Тифлис, ходили по городу "с полной почти бородою".

Особой популярностью среди войск ОКК пользовалась бурка. Заимствованная у горцев, бурка того времени была из войлока, очень короткой, иногда значительно выше колен, что делало ее удобной и всаднику и пешему, имела колоколообразную форму ("плечи" появились в начале XX в.). Узнав на практике все выгоды этой одежды, кавказские войска активно использовали бурку в походной и лагерной форме. Солдаты обзаводились "коротенькими походными бурками", которые были лёгкими и тёплыми, удобными в походной поклаже.

Среди офицеров же на Кавказе считалось признаком хорошего тона иметь бурку. Это верно подметил М.Ю. Лермонтов в своём очерке "Кавказец", где говорится о том, что среди офицеров "сильное предубеждение против шинели в пользу бурки". Поэтому новички первым делом покупали, прибыв на Кавказ, шашку и бурку. В своих воспоминаниях офицер Новороссийского драгунского полка, бывшего в 1854-1856 гг. на Кавказе, констатировал: "Шинели почти исчезли, их заменили бурки, к явному огорчению нашего полкового командира, ненавидевшего их...". Особым авторитетом пользовались белые бурки из дагестанского аула Анди (вспомним "разные хитрости" кавказца, героя Лермонтова, чтобы "достать настоящую андийскую бурку"!)). Непременным дополнением к бурке был башлык, небрежно переброшенный на спину.

Вообще в холодное время кавказская армия сильно страдала от холода. Поэтому в

Князь А.И. Барятинский. Литография В. Тимма.

ход шло всё, что могло хоть как-то согреть. Офицеры уже в 1840-х – 1850-х годах часто надевали серо-синюю одежду, наподобие офицерских плащ-пальто образца 1855 г. – такими запомнились современникам князь А.И. Барятинский, генералы Клюки фон Кругенау и Козловский. А последний любил носить "зимний лагерный костюм – ербак" (тулуп из пыжиковых, сурочьих шкур, шерстью наружу). Солдаты часто "являлись с куском брезента или рогожи вместо плаща" или из порожних кулей от провианта "делали ... вроде бурок". В одной из песен солдаты Кабардинского полка пели: "Мы рогожи одевали вместо бурок и плащей...". Такими одежками "блистали" кавказские войска в рисунках и картинах Т. Горшельта, В. Тимма, Г. Гагарина, В. Поливанова.

Верхняя одежда войск на Кавказе нуждалась в постоянном внимании государства и по мере возможности обновлялась. Но поистине неразрешимой проблемой кавказских войск была солдатская.

ОБУВЬ

В силу особенностей климата и рельефа местности, военных действий, войска ОКК вынуждены были постоянно передвигаться. Поэтому нагрузки на обувь солдата были невероятными. В связи с этим было Высочайше утверждено Положение о довольствующихся в Грузии войсках, в котором предписывалось по представлению командира ОКК выдавать солдатам в году по третьей паре сапог, внося эту издержку в смету особой статьёй. Но и это не улучшило ситуацию с обувью.

В августе 1826 г. 2-й батальон Ширванского полка, спеша на Персидскую войну, прошёл "в 8 дней 300 вёрст [около 320 км], притом с трудным перевалом через Кавказские горы". Солдаты "сделали свой баснословный марш в самодельных лаптях и опорках". А нижние чины во время похода на аул Хунзах в 1843 г. были "в галошах из куса сырой кожи или войлока на ногах, вместо сапог". Даргинский поход (знаменитая "Сухарная экспедиция") 1845 г. довел обувь солдат до такого плачевного состояния, что главнокомандующий ОКК князь М.С. Воронцов отдал приказ "палатки разодрать на обувь". Не зря солдаты на Кавказе пели: "ноги кожей обшивали после съеденных коней".

Поэтому войска использовали в походах любую обувь – сапоги, галоши, чевяки, лапти, поршни и т.п. Особую сложность вызвало преодоление водных преград – мокрые ноги солдат приводили к выбытию из строя значительного количества нижних чинов. Попыткой борьбы с этим злом было решение увеличить длину голенищ сапог. Вначале это проходило через полковые приказы. Как, например, в Эриванском карабинёрном полку, где в феврале 1837 г. перед походом в Абхазию было предписано "заготовить са-

поги выше колена на 4 вершка [18 см]". Подошвы подковывались гвоздями со шляпками для прочности.

Но не все командиры заботились о солдатах. В 1850 г. в 4-й лёгкой батарее 19-й артиллерийской бригады солдатские "сапоги дурно сшиты, коротки в следу и вообще не соответствовали установленному образцу".

Для облегчения движения нижних чинов в горах Осетии для части пехоты в 1830 г. были изготовлены железные подковы, употребляемые в Швейцарии – треугольник с шипами, пристёгиваемый ремнями под переднюю часть подошвы. Но подковы оказались неудачными – они либо спалили, либо сжимали ступни до невыносимой боли. Поэтому солдаты их сбрасывали и предпочитали подниматься при помощи ружей.

Введение в 1848 г. так называемых "кавказских сапог" не уменьшило остроты проблемы солдатской обуви. Даже заканчивая Кавказскую войну весной 1864 г., пехота имела "из десяти человек у двух или трёх вместо сапог наскоро сделанные из сырой кожи поршни".

Не менее важной задачей вещевого довольствия войск ОКК, кроме обмундирования, была необходимость поставлять в воинские части нужное для солдат

СНАРЯЖЕНИЕ

В комплект общевойсковой снаряжения войск ОКК входил кожаный ранец. Однако его использование имело свои особенности, которые официально зафиксировал приказ главнокомандующего ОКК генерала Е.А. Головина от 9 ноября 1841 г. В нем говорилось, что для похода следует использовать "старый ранец, без политуры, на лямках из покровок с поперечным ремнём, холстинный мешок для сухарей на лямке через правое и манёрка или котелок – через левое плечо. Солдат мог иметь при себе на 7 дней сухарей: на 4 дня в мешке и на 3 дня – в ранце. В последний, кроме того, укладывались мундир, летние панталоны из фламского полотна, смена белья, пара портянок, иголка с нитками, запасные ремни и сальница". Кроме этого, часто ранец набивался полным комплектом боевых патронов. Во время походов по безлесной местности кавказские войска собирали по дороге топливо, вязанку которого складывали на ранец за плечами.

В отличие от других частей русской армии, кавказские войска очень редко сбрасывали ранцы перед боем. Если их где-то оставляли, то под усиленной охраной. Причины были чисто азиатские – разграбление содержимого ранцев населением и даже союзниками. Так, в 1826 г. под Елизаветполем "в пылу сражения пехота бросила ранцы и их разграбила грузинская конница [союзники! – Авт.]; у многих даже были отрезаны плечевые ремни...". Не зря, наверное, опытный генерал Ф.К. Клюки фон Клугенау "всегда твердил... как бы ни был близок поход, ранец всегда должен быть при солдате; несоблюдение этой предосторожности на войне, а в особенности на Кавказе, всегда имело невыгодные последствия".

Если ранец использовался для долговременных экспедиций и походов, то для небольших набегов, маневренных боёв, кавказские

войска широко использовали холщовые мешки (торбу для пожитков как у странников) – называли их "кавказские мешочки". Именно с такими кавказскими мешочками ширванцы сделали в 1826 г. знаменитый 300-вёрстный марш. Мешки носили на лямках из холстины же. Варианты ношения лямок различные –

перекрещенные на груди, с перекладиной посередине груди или на поясе, просто лямки на плечах. Здесь никакой регламентации не было – только сугубо практические цели.

Нижегородские драгуны также заменяли седельные чемоданы холщовыми мешками, устроенными на манер казачьих подушек. Один из современников писал, что нижегородцы "форменных чемоданчиков в полку никогда не заводили", что косвенно подтверждается нагоняем драгунам от главнокомандующего ОКК Н.Н. Муравьева за отсутствие чемоданов на смотре 1855 г.

Перевязи и портупей в Кавказском корпусе страдали от климата и постоянной чистки их солдатами, "которые, употребляя здешнюю известь [вместо мела] истребляли ремни и оные до срока едва дослуживают". Недаром современники постоянно указывают на "изорванную амуницию".

Перевязи из замши "во время похода выворачивались наизнанку, чтобы не служили в лесистой местности целью для неприятеля, так как лицевая сторона белилась мелом на клею и отпаривалась зубком, также как и на портупях, но этих последних в экспедиции не брали; их назначение было поддерживать у мушкетёров штыковые ножны, а у гренадер – тесаки; а так как войска в экспедициях никогда не отмыкали штыков, то и в портупях при таких походах не было надобности. В егерских полках перевязи и портупей были чёрной лакированной кожи, чистились воском и щёткой" – так описывал разжалованный в солдаты М.Ф. Федоров снаряжение пехоты ОКК в 1835 г.

В тех же случаях, когда поясная портупей все-таки использовалась, то на нее навешивали "мешочек с пулями и кремнями, котелок, сальницу, отвёртку, ковырялку для трубочки-носогрейки, вместо манерки – болталась травянка [сосуд из тыквы – Авт.]". У солдат Кавказского стрелкового батальона на поясе висели сошки – приспособление для верности прицела при стрельбе (состоящее из трех, в мизинец толщиной, тросточек, соединённых в верхней части ремешком), которое стрелки переняли у горцев и казаков.

Состояние войны требовало от войск постоянной готовности вступить в бой, быстро вести огонь по противнику. Однако солдаты теряли много патронов "по неудобству

Рисунок Александра II. «Батальная сцена».

наших патронных сум за спиною". В этой связи главком ОКК генерал Головин приказал в 1841 г. "по возможности всех нижних чинов снабдить патронташами, в крайности же хотя бы застрельщиков". Патронташ представлял собой небольшую кожаную сумку для зарядов пороха в бумажках, которые располагались в один ряд (до 20 штук). Правда, патронташи плохо хранили патроны от сырости и воды, чего на Кавказе всегда было в достатке. Поэтому, переходя речки и ручьи, солдаты приматывали патронташи "около шеи". Идя в бой, солдаты часто снимали всё лишнее, оставаясь "в одних рубахах с патронташами".

Нижегородские драгуны получили вместе с новой формой 1834 г. перевязь и лядунку из красной юфтевой кожи, за что были прозваны "кирмиз драгуны" (красные драгуны). Кавалерийские части всегда были с лядунками.

Из холодного оружия кавказские войска предпочитали пользоваться штыком, оставляя тесаки для облегчения себя в штаб-квартирах полков. Часто, "кто отбил в бою кинжал, тот в походе, вместо тесака, носил это оружие". Любили шеголять "азиатским кинжалом" денщики офицеров, писари – те, кто редко бывал в бою.

Едва прибыв на Кавказ, всяк себя уважающий офицер спешил приобрести "азиатскую шашку". Адыгское слово шашка переводится на русский язык как "длинный нож". Шашка была оружием нападения, поэтому на ней не было защиты для руки бойца. Изящная, лёгкая и опасная шашка была удобна в использовании. Поэтому все кавказские офицеры – от генерала до прапорщика – "имели вместо сабель и шпаг на узеньком ремне, чрез правое плечо, черкесские сабли, называемые шашками". При этом шашка украшалась на вкус хозяина. Так, нижегородские драгуны – единственные официальные обладатели шашки – "обделывали их в серебро на кавказский манер носили их не на форменной галунной портупее, а на черном кабардинском ремне с серебряным набором". Главнокомандующий ОКК князь М.С. Воронцов носил "через плечо, на узкой чёрной портупее, азиатскую шашку без всяких украшений, кроме серебряного ободка вокруг чёрной костяной ручки

и серебряного наконечника". Генерал-адъютант князь М.З. Аргутинский носил шашку на поясной портупее (как всадники). Офицеры ласково называли шашку "неразлучной спутницей каждого". Реже они пользовались пистолетами, особенно "татарскими" - кавказского производства, так как за красивой внешностью их скрывалось низкое качество.

Непростительно долго и медленно вёлся поиск обмундирования и снаряжения пригодного кавказским войскам. Потребовались годы и годы, реки крови и пота солдатского, пока из Петербурга не последовало

ВВЕДЕНИЕ ОСОБОЙ ФОРМЫ ДЛЯ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА

В 1846 г. были утверждены образцы новой особой формы для войск ОКК. Для апробации этого обмундирования в полевых условиях Эриванский карабинерный и егерский генерал-адъютанта ки. Воронцова (Куринский) полки почти 3 года провели в новой форме. При ее создании были учтены новые требования по вооружению, климатическим и географическим особенностям Кавказа, и даже гигиенические условия жизни и быта солдат. Для тогдашней действительности это было необычно, это был первый прорыв реальности в практику создания военного костюма в николаевской России.

Официально новое обмундирование и снаряжение для войск ОКК (кроме драгун и жандармов) было высочайше утверждено 9 июня 1848 г. и о его введении объявлено в приказе по военному ведомству 8 августа того же года. Реально, кавказские войска начали одеваться в новую форму только во второй половине 1849 г. (август-сентябрь).

Вместо отмененной в 1842 г. овчиной шапки введена шапка по образцу линейных казаков с суконным колпаком темно-зеленого цвета высотой 22 см и крестообразной выпушкой по швам верха из сукна по цвету погон. У офицеров шапки обшивали галуном по прибору. На шапке был околыш высотой 13 см из чёрного длинного овчинного меха с чёрным подбородным ремнем вместо чешуи. На шапке носился только знак отличия в виде медной ленточки (кому положено). Кокарда появилась на шапке только в 1855 г., причём сразу у офицеров и нижних чинов.

Согласно приказу шапки носились "немного на затылок с наклоном на правую бровь, так, чтобы левая сторона чела наискосок была открыта". В 1852 г. полковым медикам, аудиторам и руководителям оркестра ОКК приказано носить кожаную маску образца 1844 г. с трубкой наверху. В теплое время года по-прежнему носили фуражки в белых чехлах с длинными козырьками.

Верхнюю одежду пехотинца, вместо мундира, теперь составляли полукафтаны и шаровары.

Однобортный на 9 медных пуговиц полукафтан шился из армейского темно-зеленого сукна. Полы имели сзади разрез, карманы с клапанами без выпушек. Полы пришивались так, чтобы внизу создавалось полнота (как у юбки). Обшлага на рукавах были

разрезные, в цвет полукафтана, с красными выпушками по верху - без клапанов и пуговиц. Длина полукафтана была такой, чтобы низ его был на 22 см выше колен. Погоны и поле эполет были цвета полка в дивизии. Воротник у гренадер и пехотных полков - красный, у карабинеров и егерей - темно-зелёный с красной выпушкой.

Шаровары зимние шились из темно-зеленого сукна со складками на передних половинках, с поясом, холщовой подкладкой и красными кантами в боковых швах. Длинной до верха каблука. Ширина шаровар и вид застёжки (лацбант в боковых швах) остались прежние. Летом положены летние шаровары из полотна по прежнему образцу панталон.

Специально для экспедиции пехота ОКК получила третью пару сапог с длинными голенищами (73 см) из чёрной юфтовой кожи. Когда нужно было, они надевались на суконные шаровары и застёгивались ремнём с железной пряжкой выше колен.

Патронная сумка заменена патронташем из чёрной юфтовой кожи на перевязи для 60 патронов. Перевязь надевалась через левое плечо поверх ремней ранца, такой длины, чтобы патронташ был ниже ранца на 25 см и мог передвигаться наперёд (при стрельбе, для скорости заряжения). Капсюльная сумочка приделывалась к патронташу под крышку. Поясной ремень из черненой юфтовой кожи с железной воронёной бляхой имел лопасть для сапёрного ножа, введенного вместо тесака. Это был прямой тесак с пилой на обухе, на чёрных кожаных ножнах, которого крепилось гнездо для штыка. По отзывам солдат, такой нож был довольно тяжёл (около 1,5 кг) и неудобен в бою. Поэтому, отправляясь в экспедицию, пехота оставляла ножи в казармах.

Телячьи ранцы заменены кожаными из чёрной юфти. Размеры ранца (48x46 см) несколько больше предшествующего образца. Носился он на чёрных кожаных ремнях, крестообразно лежащих на груди. На верхней крышке располагался чехол для шинели

прежнего образца. На 3 нижних чинов выдавался один железный котелок, который носился солдатами второй шеренги. Остальные имели белые жестяные манерки. Офицеры, состоявшие во фронте, надевали ранцы в тех случаях, когда с ними были нижние чины.

Офицеры ОКК по приказу должны быть вооружены полусаблями с шашечным клинком и драгунским эфесом. Их носили на плечевой портупее чёрной кожи (шириной 2 см), обложенной серебряным галуном. Однако, как правило, все кавказские офицеры имели азиатские шашки. Портупеею одевали под правый эполет между контр-погончиками и пуговицей. Шашка носилась несколько впереди левого бока.

Новое обмундирование и снаряжение повелено было начать отпускать с 1849 г., по мере выслуги сроков употребляемого до этого. Заготовку ранцев, котелков и патронташей вообще было разрешено производить с 1850 г. Офицерам дозволили употреблять новое обмундирование сразу, но не воспретили, впрочем, донашивать прежнее обмундирование до того времени, когда в новую форму будут одеты нижние чины. В случаях утраты солдатами в экспедициях каких-либо элементов обмундирования было приказано восполнять их прежними вещами, бывшими в употреблении. Старые вещи полагали использовать до замены их новыми образцами.

В целом новое обмундирование и снаряжение для войск ОКК было хорошо воспринято войсками. Тем более, что большинство элементов новой формы были "обкатаны" уже на кавказской земле многими поколениями солдат. В своём письме А.П. Ермолову в декабре 1850 г. М.С. Воронцов писал: "храбрые наши войска везде показались молодцами, в чём нам помогла новая и прямо воинская форма для Кавказского корпуса".

Уроки Кавказской войны

Война на Кавказе показала командованию русских войск непригодность многих тактических приёмов, выработанной практикой европейских войска.

В первую очередь это касалось принципов ведения огневого боя. Борьба против мелких маневренных и маскирующихся групп неприятеля заставила отказаться от стрельбы залпами и обратить внимание на подготовку отдельного стрелка. Своеобразным тактическим приёмом, заимствованным у горцев, стала система так называемых "залогов", то есть заранее выбранных укрытий, когда стрелковые цепи передвигались от одного залога к другому, прикрывая друг друга огнём. У горцев были заимствованы и методы внезапных набегов.

Необычные военные действия сказывались на самых различных сторонах жизни и боевой деятельности войск на Кавказе, что выделяло их из всей остальной массы русской армии и создавало своеобразный, неповторимый тип кавказского солдата, резко отличавшегося своим внешним видом и привычками, а также отличными боевыми качествами от всех иных: "Он соединял в себе, вместе с дисциплиною, ловкость черкеса. Он также шибко умел бегать по открытым местам, так же ловко взбирался на крутизны и горы, ложился за кустарниками, высматривал неприятеля, был развязен и зорок".

В течение длительного времени полки Кавказского корпуса служили постоянным образцом, на который ровнялись остальные части русской армии. Войска ОКК "поистине были идеалом, о котором в настоящее время можно лишь мечтать" - эти слова прозвучали более 150 лет назад, но остаются актуальными и сегодня.